

УДК 323.2:06

ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ ПЕРИОДА ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНЗИЦИИ

© 2012 г. *Бондаренко В. И., **Мостовая И. В.

**Шахтинский институт (филиал)
Южно-Российского государственного университета (НПИ)
**Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*

Авторы статьи рассматривают основные параметры и движущие силы регионализации и этнических конфликтов, сопровождающих трансформацию социальной системы российского общества.

Ключевые слова: регионализация; сепаратизм; административная культура; конфликт; дезинтеграция; миграция; экономический кризис; модернизация/демодернизация.

Authors of the article consider some key parameters and motive forces of regionalization and ethnic conflicts, which accompany the transformations of social systems in Russian society.

Key words: regionalization; separatism; administrative culture; the conflict; decomposition; migration; an economic crisis; modernization/ unmodernization.

Среди сторонников концепций открытого общества бытует представление, что такой процесс как модернизация и его составляющие (урбанизация, индустриализация, информатизация, коммуникация) ведут к стиранию особенностей различных обществ, их унификации, что экономическая и политическая либерализация и научно-технологический прогресс выступают средствами, под воздействием которых формируется облик современного более однородного мира. Процессы глобализации стирают территориальные различия, упраздняя привязанность субъектов к территориальным факторам. Тем не менее, наблюдения и исследования показывают становление новых форм региональных объединений, этнокультурного плюрализма. Сложность и противоречия процессов глобализации проявляется в действии разнонаправленных векторов — глобальной интеграции и локальной автономии, социально-экономической регионализации в рамках глобальной общности. Сложность российской ситуации в том, что действие векторов обособления и интеграции, характерных для глобального процесса, налагается на процессы

дезинтеграции и регионального сепаратизма, охватившие советское, а затем и российское общество в период кризиса конца XX века. Определить основные параметры и движущие силы регионализации и этнических конфликтов, сопровождавших трансформацию социальной системы российского общества, необходимо в целях дифференциации кризисных и конструктивных процессов в российском социуме.

Российская Федерация унаследовала региональную структуру и модель отношений с регионами, принятую в Союзе ССР. Более 90% всех государственных доходов было сосредоточено в центре, который перераспределял их по своему усмотрению. На количество трансфертов влияли несколько факторов: величина доходов, получаемых регионом, объективные потребности региона (например, более дорогое строительство в зоне вечной мерзлоты или в сейсмоопасных регионах, большие расходы на отопление в регионах с более суровым климатом) и административный торг, когда руководители региона добились установления более льготных режимов за счет персональных взаимодействий с

представителями центрального руководства. В результате в одних регионах формировалось региональное иждивенчество, в других — ощущение несправедливости, зачастую имевшее основания. В ряде регионов концентрировались экологически вредные, высокотоксичные производства. Применение устаревших технологий добычи полезных ископаемых и переработки сырья превращали освоение природных богатств регионов и производство промышленной продукции в бедствие для местного населения (массовые заболевания населения, сокращение жизни, рост смертности, снижение качества жизни за счет потребления загрязненной отходами воды, воздуха). На ощущении несправедливости и бессилия в изменении ситуации, санкционированной, по мнению местного населения, московскими министерствами, формировались сепаратистские настроения, требования установить режим самостоятельного регулирования социально-экономических взаимодействий.

Ярким примером регионального сепаратизма начала 1990-х годов является реанимация идеи Красноярской республики, существовавшей в годы Гражданской войны. Проведенные в Сибири в июне 1992 г. исследования позволяют судить о степени распространения сепаратистских настроений: 44% опрошенных красноярцев и 43% алтайцев говорили о необходимости установления таможенной границы с другими регионами страны, 46% красноярцев и 50% алтайцев считали, что за провоз грузов по Транссибирской магистрали и Северному морскому пути следует взимать пошлину в пользу сибирских регионов, Алтайского края. Респонденты настаивали на необходимости юридического и символического оформления самостоятельности региона — 31% опрошенных красноярцев и 37% алтайцев утверждали, что их регион нуждается в конституции, 22% и 18%, соответственно, говорили о необходимости флага и гимна. Желание закрепить и защитить самостоятельность регионов привело 19% жителей к идее создания региональной национальной гвардии.

Что питает идеи регионального сепаратизма? В данном случае сепаратизм вызывается представлением о природных богатствах региона, его высоком промышленном потен-

циале, («функциональный секционализм» по М. Хектеру, вызванный специфической сырьевой, промышленной специализацией региона [1]) и подкрепляется возложением вины на «общего врага». Стереотипный ответ на вопрос о том, кто виноват в плачевном состоянии дел в регионе — бывшая власть, партукратия и мафия, ответственные за проблемы, укорененные в прошлом, и установившие отношение к Сибири по типу колониального. Но к 1992 году назревает недовольство новой властью и экономическими проблемами современности. 74% красноярцев и 79% алтайцев считают, что коррупция и протекционизм в новой жизни увеличились по сравнению с советским временем, и только, соответственно, 3% и 1% считают что ситуация в области коррупции улучшилась. Ассоциируя новое российское правительство с социальными группами, выигравшими от реформ, сибиряки возлагают вину на правительство, кооператоров, коммерсантов, предпринимателей и т. д. При этом основной претензией «центру» становится упрек в присвоении региональных ресурсов и продолжении колониальной политики в отношении Сибири (только 4% опрошенных считали, что реформы, проводимые из Москвы, учитывают интересы Сибири в полной мере) [13].

Объективным основанием регионального сепаратизма выступает унаследованная от СССР административная структура. Полифункциональная институционализированность регионов, их автономность, независимость друг от друга, почти полное отсутствие горизонтальных связей между регионами, их осуществление через властную вертикаль, в условиях ослабления центра и разрушения установленной центром региональной иерархии ведет к самораспаду, региональному сепаратизму. Одним из первых действий нового российского руководства было наделение регионов и отдельных экономических субъектов правом на самостоятельность и внешнеэкономическую деятельность. Тем не менее, жители многих регионов, а не только сибиряки, упрекали центральную власть в ограблении и присвоении ресурсов их территорий. Даже в тех регионах, в благополучие которых поддерживалось усилиями центра, население и региональная власть противопоставляли свои интересы центральной влас-

ти и связывали надежды с региональными структурами, вплоть до отделения от России. Стремление регионов к полному суверенитету коррелировало со значительным политико-экономическим ослаблением центра, ослаблением межрегиональных экономических связей. Слабо сбалансированная, неравновесная советская экономика, интегрированность которой поддерживалась, прежде всего, централизованными структурами управления, после либерализации и «шоковых» мероприятий, испытала спад производства, а за счет ослабления внутренних экономических связей (согласно некоторым экспертным оценкам, при спаде промышленного производства вдвое межрегиональные и межрайонные экономические связи сократились в 4 раза [3]) произошел распад единого народнохозяйственного комплекса страны. Следствием распада становится социально-экономическая дифференциация регионов. Критериями дифференциации выступает ориентация на сырьевые потребности мирового рынка и участие в бюджетно-финансовом регулировании, благодаря чему к концу 1990-х годов в лидеры по производству промышленной продукции на душу населения вышли Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Красноярский край без округов, республика Саха (Якутия). Вместе с регионами добывающей промышленности лидером производства валового регионального продукта на душу населения стал столичный регион. Сырьевые секторы экономики, а также предприятия обрабатывающей промышленности, ориентированные на экспорт, выступают основной формирования социально-экономических анклавов [18]. Среди наиболее бедных регионов (Ивановская, Ростовская, Тамбовская области, республики Северного Кавказа, Алтай, Тыва, Калмыкия) в основном сельскохозяйственные.

Децентрализация государственного управления, деградация экономики начала 1990-х годов, разрушение экономических связей обширных территорий России, усиление местной элиты, этнокультурное многообразие создавало основу превращения России в конгломерат самостоятельных «удельных княжеств», во многих случаях этнических. Региональная суверенизация

России обрела лицо этнического сепаратизма в силу особенностей этнополитической системы советского и унаследовавшего его структуру российского общества. «Одним из главных парадоксов государственности советского типа было то, что при централизованной системе управления и контроля, в условиях подчинения всего народно-хозяйственного комплекса реализации единой стратегической цели, национально-государственное устройство Союза базировалось на территориальной децентрализации, причем особого рода» [5]. Эта особенность, как считает С. Валентей, состоит в доминировании культурно-этнического принципа «дробления» экономического пространства страны. Иными словами, «наша этнически разнородная федерация создает условия для развития внутренней асимметрии» [11].

Принцип национально-этнического устройства страны в условиях кризисного социума становится фактором дезинтеграции и распада. Условием возникновения этнополитического конфликта является существование этнической группы, осознающей противоположность собственных интересов и остальной части общества и сплоченной настолько, чтобы бросить вызов другим. И если особенности этнической идентификации построены на усилении дистанции от доминирующего этноса, возникают проблемы автономизации, отделения. Данный тип присущ башкирам, татарам, чеченцам, тувинцам и некоторым другим этносам [14]. Но культурная дистанция и этническая отчужденность, тем более русофобия или конфессиональные трения, выступают активизирующим фактором, но не доминирующим основанием сепаратизма этнических регионов Российской Федерации. В. А. Авксентьев указывает, что «этнический конфликт обладает способностью «осваивать» предметы и объекты других типов конфликтов», поэтому «в эмпирическом исследовании практически невозможно обнаружить его в чистом виде» [2]. Ученый считает, что на ранних стадиях этнического конфликта вполне возможно преобладание экономических и других противоречий, которые могут перерасти в этнический конфликт. Возможен и обратный вектор развития событий. С этим утверждением трудно не согласиться. Но специфика развернувшихся в 1990-е

годы этнических конфликтов заключается не только в стремлении к национально-культурной автономии, политическом сепаратизме. В 1990-е годы появилась возможность масштабного передела собственности, «выскользнувшей» из рук центральной власти.

Результатом экономических преобразований становится уменьшение, а зачастую и прекращение государственного финансирования. В целом по стране к 1995 году менее четверти вложений осуществлялось из госбюджета, остальное составляли собственные средства предприятий. Так, в Карелии, Татарстане, Удмуртии собственные средства составляли около 70% капитальных инвестиций, а в Туве — только 5%. Несмотря на статус оффшорной зоны, инвестирование Ингушетии более чем на 90% осуществлялось из госбюджета [15]. В Чечне сложился особый этноэкономический режим «административно институционализированной «серой зоны» [17], финансирование которой осуществлялось, с одной стороны, за счет криминальных источников (воровство и нелегальный вывоз нефти, фальшивые авизо, похищения людей и т. д.), с другой стороны — за счет бюджетных средств, направляемых на восстановление разрушений в ходе контртеррористических операций.

Этнические конфликты, возникшие на территории России, вызвали усиление внутригосударственных миграционных потоков. Будучи следствием этнических конфликтов, этнические миграции переносят конфликты на новые территории.

Миграция — болевая точка и основная причина локальных межнациональных конфликтов в большинстве регионов России. Особенно сложная ситуация в мегаполисах с высоким притоком мигрантов, в приграничных территориях, с высоким уровнем миграционной активности населения сопредельных государств (Дальневосточный регион), Южный регион, с высоким уровнем вынужденной миграции из зоны вооруженных конфликтов. Опросы, проведенные в июне 2007 г. в 12 субъектах Российской Федерации, показали, что россияне связывают с миграцией рост преступности и большой комплекс экономических проблем.

На российскую этническую миграцию, вызванную конфликтами постсоветского

общественного переустройства, накладываются глобальные миграционные потоки, поскольку либеральные реформы, свобода внешнеэкономической деятельности и передвижения, в полной мере подключили Россию к этим процессам. Усиление процессов глобализации, системным элементом которых являются миграции, способно еще более дестабилизировать обстановку, тем более, что результатом постсоветской регионализации и этнических процессов становится не только усиление существовавших традиционалистских секторов, но и демодернизация, деиндустриализация отдельных сегментов, и даже регионов российского общества.

Экономический кризис привел к остановке или значительному снижению объемов деятельности многих промышленных предприятий. Но особенность советско-российской организационно-производственной структуры заключается в преобладании крупных индустриальных предприятий. По расчетам В. Л. Тамбовцева, основанным на данных Госкомстата, число крупных предприятий (свыше 500 работников) в большей части отраслей промышленности превышает число средних и малых, вместе взятых [16]. Поэтому прекращение деятельности этих предприятий, путь даже технологически отстающих от стран Запада, без открытия новых, более современных, означает путь деиндустриализации и демодернизации экономики. И если в середине 1980-х годов техноукладная структура российской экономики отставала от развитых стран в среднем на 15 лет, т. е. на один технологический уклад, то в 1990-е годы за счет прекращения финансирования технической модернизации предприятий и закрытия существующих отставание усилилось еще более значительно. Процессы приватизации также сыграли свою роль в усилении демодернизации производственной структуры российской экономики. Распространенным способом удешевления приватизируемого предприятия было намеренное доведение предприятия до банкротства. Приватизированные предприятия зачастую не приобретали «рачительного хозяина», заинтересованного в модернизации. Сначала продавалась продукция, пока предприятие еще ее производило. После того, как производственный процесс без необходимых инвестиций «зады-

хался», производственные корпуса сдавались в аренду под торговые площади. Таким образом, производственные мощности, оборудование и технологии устаревали еще больше. В условиях глобализации такой шаг назад означает ослабление позиций на мировом рынке. Неудивительно, что Россия заняла нишу слабоиндустриализированной страны, сырьевого придатка экономики развитых стран.

Деиндустриализация российской экономики усилила архаические, натурально-хозяйственные формы жизнеобеспечения, которые позволили людям выжить в трудные трансформационные времена. Тяга советских горожан к садоводству и огородничеству в 1990-е годы позволила выжить за счет самообеспечения овощами, фруктами и продажи излишков. Поскольку 52% территориальных ресурсов страны и 18% населения приходится на долю национальных республик и автономий [10], исторические сложившиеся формы экономической деятельности на их территории, традиционные ремесла относят к этноэкономике. В ряде регионов население выживало благодаря кузнечному и гончарному производству, переработке овечьей и козьей шерсти, изготовлению домотканых ковров, одеял, шерстяных и пуховых изделий, изделий из кожи, бортничеству и т. д. Особенно широкое распространение этноэкономика получает в этнопроблемных регионах, где индустриальный сектор и без того был слаб, но в результате эскалации этнических конфликтов произошел отток русскоязычного населения, что привело к еще более значительному падению индустриального производства. Так, в Татарстане сохранился довольно высокий уровень индустриализации, а этнические конфликты сумели погасить на ранних стадиях, не доведя до вооруженного противостояния. Поэтому этноэкономика составляет незначительную часть экономических занятий населения. В горных республиках Северного Кавказа на промышленных предприятиях, созданных в годы советской власти для удовлетворения общесоюзного спроса, работали в основном русские, которые, либо погибли в ходе этнических конфликтов, либо были вынуждены покинуть регион. В результате деструктивных процессов сегмент этноэкономики, и без того значительный, стал практически единственным. Даже нефтеперера-

ботка за счет реанимации технологий XIX века становится кустарным производством.

Процессы модернизации/демодеиндустриализации касаются не только технологического уклада, замены устаревшего оборудования и технологий на современные, более производительные. Демодеиндустриализация технического уклада ведет к демодеиндустриализации социальной структуры. Значительной утратой 1990-х годов становится демодеиндустриализация человеческих ресурсов. «Спад производства» — это фраза на бумаге. В жизни — огромное число людей теряют работу, теряют зарплату, доходы. Характерной чертой транзитивного периода было резкое сокращение продолжительности рабочего времени. На протяжении первой половины 1990-х годов, по подсчетам Р. Капелюшника, среднее количество рабочих дней в году, отработанных рабочими в промышленности, сократилось почти на целый месяц [9]. Речь не идет о заботе и попечении законодателя о благополучии и здоровье рабочего класса. Рабочее время сокращали без желания работников следующими способами: длительные административные отпуска без оплаты, сокращение рабочего дня без оплаты второй половины. Но заработная плата выступает основным источником доходов большинства категорий работников. Соответственно, снижаются доходы работников, которые пытаются компенсировать потери неиндустриальными видами труда (тем же огородничеством, торговлей и т. д.). После указа, разрешающего свободную торговую деятельность улицы городов и трассы России превратились в торговые площади под открытым небом. Получая определенные рыночные уроки, население России теряет навыки индустриального труда. Вместо повышения квалификации работников, происходит их деквалификация. Согласно данным исследования, проведенного в декабре 1998 г., у 53% работающих образование и профессиональная подготовка не соответствует выполняемой работе (у 34% полностью, а у 19% — в основном) [6].

Остановка, банкротство предприятий ведет к росту безработицы, причем страдают, прежде всего, квалифицированные кадры. Только в активно развивающейся экономике, сокращенные или уволившиеся профессионалы находят применение. В ситуации эко-

номической депрессии уволенным профессионалам приходится соглашаться на любую работу, весьма далекую от их квалификации. Высококласным рабочим, инженерам приходится включаться в «челночный» бизнес, торговать на рынке. И. Бушмарин с болью писал: «С помощью безработицы нынешнее хозяйство, словно гигантское падающее дерево, наносит сокрушительный удар человеческому элементу производительных сил по всему его жизненному пространству — от рабочих мест до школьной скамьи и домашнего очага. Если судить по тому, кого в России в первую очередь поражает безработица, то создается впечатление, что экономика торопится избавиться, прежде всего, от наиболее квалифицированных, образованных кадров, с которыми в каждой стране связано ее будущее, ее развитие, научно-техническое процветание и конкурентные возможности» [4]. Следует отметить, что выход экономики из депрессии, начало экономического роста ознаменовалось парадоксом рынка труда: при большом количестве специалистов с экономическим и юридическим образованием, предприятия испытывали острую нехватку квалифицированных рабочих. Т. е. транзитивный период отразился на демодернизации кадрового состава работников предприятия. Низкий уровень доходов высокообразованных слоев населения — характерная черта социальной структуры переходной России. Наряду с люмпенами и маргиналами, составляющими основной контингент «традиционных» бедных, появились «новые бедные», среди которых люди с высоким уровнем образования и квалификации, либо не востребованные рынком труда в условиях кризиса, либо вынужденные терпеть длительные неплатежи на предприятиях, смиряться с низкой заработной платой, «съедаемой» инфляцией.

Сопоставление индексов развития человеческого потенциала обнаружило усиление региональных контрастов модернизационного процесса. Рассчитываемый в рамках Программы развития ООН, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) включает среднюю от трех частных индексов: от душевого дохода; ожидаемой продолжительности жизни и образования (доля учащихся в возрастных группах от 6 до 23 лет). По данным Н. Лапина в 2000 г. в 27 субъектах РФ

отмечены контрасты доходов и образования двух типов. В 12 регионах высокому и выше среднего уровню образования соответствуют низкие и ниже среднего доходы населения. В 9 регионах высокие и выше среднего доходы соответствовали уровню образования ниже среднего и низкому. В первом случае наблюдается занижение оплаты труда высокообразованных работников, недоиспользование образовательного потенциала населения многих регионов, во втором — доплата за суровые условия малоквалифицированного труда, как правило, добывающих отраслей, продукция которых реализуется преимущественно на мировом рынке [12].

Тенденции демодернизации проявляются в воспроизводстве архаических социальных структур и отношений — расширении и укреплении клановых структур, институтов общинной самоорганизации и т. д. Усиление теневой экономики, в том числе и этноэкономики, функционирующей вне официального регулирования, ведет в свою очередь к усилению неформальных регуляторов социальных взаимодействий, а в этнонациональных регионах, особенно на Кавказе, — к воссозданию общинных структур (тейпы, тухумы и др.) и норм обычного права. Превращение этничности в дополнительный социальный ресурс и усиление этничности как фактора стратификационного структурирования общества также означает откат по линии модернизации.

До сих пор мы рассматривали специфические тенденции модернизации/демодернизации явившиеся результатом деконструкции советского общества. Движение по пути рыночных преобразований, открытие регионам пути на внешний рынок, трансформация политической структуры привели к усилению регионального неравенства, экономической дифференциации регионов, формированию крайне неоднородного экономического пространства страны включение в глобальные процессы — к формированию новых принципов регионализации. По мнению российских исследователей, отличие от старого регионализма заключается в иной, более широкой субъектной представленности и экстравертной направленности нового регионализма [7]. Если начало 1990-х представляется этапом «самотрансформации тоталь-

но регионализованного пространства» [8], в результате которого складывается «общество регионов», автономных, замкнутых на региональном иждивенчестве или анклавной эксплуатации имеющегося регионального ресурса, то в 2000-е годы регионы выступают самостоятельными субъектами интеграции в общемировые процессы, в региональные объединения.

Литература

1. *Hechter M.* The Persistence of Regionalism in the British Isles. // *American Journal of Sociology.* — 1973.— Vol. 79. — №2. — Pp. 319–321.
2. *Авксентьев В. А.* Этнические конфликты: история и типология. // *Социологические исследования.* — 1996. — №12. — С. 43–50.
3. *Борковский А. Н., Комиссаров А. В.* Внешнеэкономические связи субъектов РФ и укрепление единого экономического пространства. // *Проблемы прогнозирования.* — 2000. — №3. — С. 129.
4. *Бушмарин И.* Аномалии российского рынка труда. // *Мировая экономика и международные отношения.* — 1998. — №2. — С. 91–92.
5. *Валентей С.* Постсоюзное экономическое пространство. // *Российский экономический журнал.* — 1993. — №7. — С. 7.
6. *Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.* Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества. // *Социологические исследования.* — 1999. — №9. — С. 25.
7. *Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Глобализация и российские регионы. // *Проблемы теории и практики управления.* — 2003. — №1.
8. *Каганский В. Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация (структурно-геополитический анализ). // *Общественные науки и современность.* — 1995. — №3. — С. 31.
9. *Капелюшников Р.* Российская модель рынка труда: что впереди? // *Вопросы экономики.* — 2003. — №4. — С. 86.
10. *Колесников Ю. С.* Этноэкономика в судьбах модернизации юга России. // *Экономический вестник Ростовского государственного университета.* — 2003. — Т. 1. — №2. — С. 19.
11. *Колобов О. А., Макарычев А. С.* Российский регионализм в свете зарубежного опыта. // *Социологические исследования.* — 1999. — №12. — С. 39.
12. *Лапин Н. И.* Статус регионов России, разбалансированность их социокультурных функций. // *Мир России.* — 2006. — №2. — С. 29.
13. *Немировский В. Г., Григорьев С. И., Пешков С. И.* Сибирь: на пути к сепаратизму? // *Социологические исследования.* — 1993. — №2. — С. 20–26.
14. *Перепелкин Л. С.* Истоки межэтнического конфликта в Татарии. // *Мир России.* — 1992. — Т. 1. — №1. — С. 93–94.
15. *Степанов В. В.* Особенности экономики этнопроблемных регионов. // *Социологические исследования.* — 2000. — №2. — С. 72.
16. *Тамбовцев В. Л.* Экономическая политика для российской экономики. // *Общество и экономика.* — 1996. — №5. — С. 3.
17. *Латов Ю. В.* Экономический анализ терроризма. // *Общественные науки и современность.* — 2007. — №5. — С. 38.
18. *Яременко Ю. В.* Экономический рост. Структурная политика. // *Проблемы прогнозирования.* — 2001. — №1. — С. 11.

Поступила в редакцию

13 сентября 2012 г.

Василий Игоревич Бондаренко — доктор социологических наук, доцент кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ). Автор монографии и ряда других публикаций по проблемам международного терроризма и социальной глобализации.

Vasiliy Igorevich Bondarenko — Ph.D., Doctor of Sociology, head lecturer at «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch. Author of a monograph and numerous other works, dedicated to problems of international terrorism and social globalization.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru

Ирина Владимировна Мостовая — доктор социологических наук, профессор, проректор по учебно-методической и социальной работе Южного федерального университета. Основные научные направления: экономическая социология, социальная стратификация и мобильность, социология управления, постмодернистская социология; теория социальной структуры; психология управления; социокультурная идентичность.

Автор учебных курсов и спецкурсов: социология, политология, теории социальной структуры, психосемантический анализ политической коммуникации; психология управления, более ста научных работ, учебников и учебных пособий. Под научным руководством И. В. Мостовой защищено более 50 кандидатских и докторских диссертаций.

Irina Vladimirovna Mostovaya — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, the pro-rector on study-methodical and social work at the Southern Federal University. Author's basic fields of scientific interest include the economic sociology, social stratification and mobility, sociology of management, postmodern sociology, social structure theory, psychology of management and social and cultural identity.

I. V. Mostovaya is an author of numerous academic courses and specialties, such as sociology, political science, social structure theory, psychosemantic analysis of the political communications, psychology of management; author of more than 100 scientific works, tutorials and textbooks. As a research supervisor I. V. Mostovaya took part in preparing more than 50 dissertations by Candidates and Doctors of Science.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 218-40-92; e-mail: mostovaya@sfedu.ru